

«Изречения» (Χρηῖβν)

Европейская афористика как вид дидактической литературы в значительной мере уходит корнями в греческую античность. Время сохранило нам крайне мало материала, чтобы об этапах и особенностях становления и развития в Древней Греции афоризма¹ как литературной категории можно было судить с должной определенностью. Нам достались лишь разрозненные обрывки или, пользуясь выражением Джонатана Барнза, *«одни только выщербленные, покрытые царапинами черепки»*. Отдельные места из Гомера и Гесиода в качестве отправных точек, то немногое, что осталось от сочинений Феогида и Фокилида, «темные» апофтегмы Гераклита, акусмы Пифагора, часто единичные высказывания Эмпедокла, Протагора, Сократа. Мы упустили совсем немного.

Изречения семи эллинских мудрецов – фактически первое систематизированное и упорядоченное собрание древнегреческой афористики. Это в полном смысле антология. В отличие от названных выше авторских гномологиумов она представляет более полный временной и персональный срез литературного явления.

Эти изречения-максимы вполне доступны нынешнему читателю, а литература по теме обширна. Остановимся только на наиболее спорных и непроясненных вещах, связанных с ними.

Состав собрания по именам воспроизводит тот список мудрецов, который наличествует у Платона в «Протагоре».² Исключение всего одно – Периандр из Коринфа. Периандр, как трактуют, якобы присутствовал в первоначальном перечне, а Платон будто бы заменой его на Мисона из Хены, самого малоизвестного из семи, выразил свое неприятие тиранической формы правления. Что несколько странно. К тиранам можно относить не только Периандра, но и Клеобула из Линда – по крайней мере, именно так представляет его Плутарх³, - и Питтака, который целое десятилетие правил в Митилене, сменив Меланхра. Во времена мудрецов тирания была повсеместным явлением в Греции, а чуть позже в Италии и на Сицилии. Плутарх, кстати говоря, тоже исключает Клеобула из числа семи. И, само собой, Периандра – коринфянин участвует в пире только на правах распорядителя, а его вакансию заполняет скиф Анахарсис. Однако в «Пире семи мудрецов» Плутарх чуть смягчает суровую оценку в речи Фалеса: *«А Периандру его тирания досталась как наследственная болезнь, но до сих пор он неплохо с нею справлялся, по-*

¹ Отвлечемся от того, что первоначально у Гиппократов понятие афоризма имело другое наполнение.

² Платон. Протагор, 343а.

³ Плутарх. О надписи "Е" в Дельфах, 3.

тому что ему на пользу были целебные беседы и общение с людьми здравомыслящими»⁴.

Но вообще же сам этот набор имён внушает некоторое сомнение. По утверждению Диогена Лаэртского, его впервые огласили в год архонта Дамасия - по всей видимости, второго с этим именем. Это случилось в период послесолоновской смуты и его знаменитого двухгодичного архонтства, то есть около 582-0 г.г. до н.э.⁵ Однако зачислять того же Клеобула в список было несколько преждевременно. Кажется, к дате номинации в мудрецы он был слишком молод и вряд ли успел снискать себе подобные лавры.

Не очень понятно и то, в силу каких соображений, скажем, Хилона и Клеобула составители в итоге предпочли, допустим, Ликургу (кстати, формулировавшему свои законы в виде лаконичных изречений - ретр), Фидону (древнему коринфскому номофету, а не аргосскому тирану), Филолаю, Залевку, Драконту. Мы называем исключительно законодателей, а не, предположим, кого-нибудь вроде Эпименида, исходя из логики, подмеченной Плутархом: *«Вообще, по-видимому, Фалес был тогда единственным ученым, который в своих исследованиях пошел дальше того, что нужно было для житейских потребностей; все остальные получили название мудрецов за свое искусство в государственных делах»⁶*. К этим именам несложно присовокупить другие имена - тех или иных деятелей древней эллинской истории и мысли, равнозначных вошедшим в список. Что и делали в последующей древности многократно. Его расширяли за счет Ферекида, милетских философов, Писистрата (опять же тирана), легендарных (впрочем, как тот же Ликург) Лина, Мусея, Орфея, Аристодема и других – всего числом больше двух десятков.

Имели ли к его фиксации какое-то отношение события, случившиеся в архонтство Дамасия, для нас не так важно. Очевидно, что задолго до времени Деметрия некий «канон» мудрецов, первоначально, возможно, фольклорный – с Периандром или же Мисоном – оформился. Затем вокруг них постепенно сложилась определенная мифография, к сожалению, нам почти неизвестная. Отголоски ее мы находим у Плутарха и даже Авсония. Традиция стала сводить мудрецов вместе – не всегда всех сразу – при дворе лидийского царя Креза в Сардах, в Коринфе или уже в святилищах вроде Паниониона.

Когда точно или даже примерно в Дельфах сакрализовался как общегреческий этот первоначально региональный, по преимуществу ионийский «канон», нам неизвестно. Сакрализовался в буквальном смысле, ибо какое-то время изречения приписывались самому

⁴ Плутарх. Пир семи мудрецов, 3, перевод М.Л.Гаспарова.

⁵ О нем нам известно благодаря свидетельству Аристотеля в «Афинской политике» (13, 2).

⁶ Плутарх. Солон», 3.

Аполлону, на входе в пифийское святилище которого они были вырезаны. Но уже Платон упоминал Дельфы в связи с мудрецами.⁷

Стобей поместил 147 дельфийских максим в своей «Антологии» и приписал их составление некоему Сосиаду, который более ничем в истории не остался.⁸ В 296 году до н.э. на Олимпийских играх Сосиад победил в борьбе, но в этом случае речь, скорее всего, идет лишь о его соименнике.

Фрагменты изречений в дельфийской «редакции» или с совсем незначительными отклонениями от нее, помимо самих Дельф, были обнаружены и в других местах. Например, на развалинах древних гимнасиев в милетской колонии Милетополис (ныне городок Караджабей возле крупного турецкого порта Бандырма) неподалеку от Кизика (территория полуострова Капыдаг в Мраморном море) и на Фере (Санторини) - соответственно 56 и 4 максимы. Гимнасии как места находок надписей не должны удивлять – еще Платон⁹ подразумевал и «образовательное» значение последних. Собственно, максимы в Древней Греции изначально относились к области как риторики, так и педагогики.

К перечисленным можно добавить остраки, обнаруженные итальянскими археологами на раскопках городища Мединет-Мади (Нармутиса в римские времена) в египетском оазисе Фаюм (из 7 максим 4 оказались «сосиадовскими»), папирусы (под номером 2782 из собрания Афинского университета - 7 «сосиадовских» из 8 – и, возможно, оксиринхский 61.4099¹⁰) и довольно большое количество средневековых манускриптов.

Однако самым любопытным местом в связи с дельфийской эпиграфикой мудрецов оказались руины среднеазиатского городища Ай-Ханум у слияния рек Пяндж и Кокчи в районе границы между Афганистаном и Таджикистаном. Ай-Ханум ныне идентифицируется как греко-бактрийская Александрия Оксиана (позднее, видимо, Эвкратиды). Здесь дельфийские максимы (5 целиком и фрагменты еще двух) были вырезаны на нижнем обломке стелы у героона Киняя, ойкиста и правителя города. «Сопроводительная» надпись гласит, что они были скопированы в Дельфах и привезены в Александрию Оксиану неким Клеархом. В последнем при большом желании можно предположить одного из учеников Аристотеля, примерного ровесника Деметрия Фалерского – Клеарха из кипрских Сол. Собственно, Луи Робер, которому принадлежит честь первого научно-исторического осмысления находок в Ай-Хануме, так и поступил.

Кое-какие показания для этого имеются. Во-первых, сатрапом Арии-Дрангианы при Александре (а после его смерти и Бактрии с Согдианой) примерно с зимы 328 г. до

⁷ «Протагор» (343a-b), «Федр» (229e), «Гиппарх» (229a), «Хармид» (164d – 165a) и «Алкивиад» (124b, 132c).

⁸ Стобей. Антология, 3.1.173.

⁹ Платон. Гиппарх, 228c-229.

¹⁰ На такой атрибуции настаивает, например, Марк Хюйс - Marc Huys. A Combination of Mythographic Lists with Sentences of the Seven Wise Men. Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, Bd. 113 (1996), pp. 205-212.

н.э. был земляк и современник Клеарха – Стасанор, сменивший на этом посту перса Арсака¹¹. Во-вторых, солийский Клеарх был известен живейшим интересом к восточным землям и культуре. Например, свой знаменитый рассказ о встрече Аристотеля с ученым евреем Гиперодихом¹² Иосиф Флавий приводит со ссылкой на трактат Клеарха «О сне». Да и другой трактат Клеарха - «О песчаных пустынях» - писался явно не на греческом материале.

Строго говоря, воспринимать это в качестве прямых доказательств нельзя. Перипатетизм Клеарха не стоит переоценивать. Его причисляли и к платоникам – на том основании, что он не однажды писал о Платоне (в том числе комментариев к «Государству» и «Тимею»). О нем мы знаем в основном по довольно многочисленным упоминаниям у Афиняя. Клеарх, судя по ним, был склонен к занимательности и легковесности. Да и серьезных свидетельств относительно его столь дальнего путешествия до Александрии Оксианы нам не известно. Заметим еще, что существуют иные точки зрения на предмет – например, Дж.Лернера, согласно которым ай-ханумские максимы на самом деле младше на полтора столетия, а Клеарх – был вовсе не из Сол, а автохтоном¹³.

Ничего другого у нас нет. Хотя, как нам представляется, обоснованный скепсис в этом случае уместнее не критического энтузиазма.

Включая в рассмотрение факты биографии Клеарха из Сол, мы приобретаем не так много. Если он действительно посещал Бактрию-Согдиану, то произошло это уже после Трипарадиса, где Стасанору «отписали» её в сатрапию.¹⁴ Добраться до неё через три тысячи миль на восток от Афин через далеко не самые спокойные и мирные земли Клеарх должен был еще позже – но, видимо, до отнюдь не мирного¹⁵ перехода под власть Селевка (около 306/5 года до н.э.).

Известно, что македоняне Александра проходили возле Окса примерно в 328 году. Возможно, тогда дело ограничилось лишь закладкой крепости на холме высотой около 60 метров, но фактически сам город стал строиться и разрастаться в 310-ых годах.

Но тогда нам не отделаться от вполне законного недоумения. Чего стоит легенда о Клеархе в связи с его вояжем в Дельфы за текстами максим и затем в дальнюю оксианскую Александрию, если о дельфийской эпиграфике мудрецов было известно как минимум с последней трети V века до н.э., когда Платон писал свои сократические диалоги? Если уже его, Клеарха, учитель Аристотель в «Риторике» всю цитировал Питтака, Хи-

¹¹ Об этом сообщают Курций Руф (VIII.3.17) и Арриан (VI.27.3,6 и VI.29.1).

¹² Иосиф Флавий. Против Апиона, 1, 22.

¹³ J.D. Lerner, “Correcting the Early History of Ay Kanom”, *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* 35–6 (2003–4), 373–410 и J.D. Lerner. *The Ai Khanoum Philosophical Papyrus*, 2003, ZPE 142: 45–51.

¹⁴ Курций Руф. История Александра Македонского, X.10.4.

¹⁵ Если вить Помпею Трогу – Юстин. Эпитама Помпея Трога, XV, 4, 11.

лона и Бианта – главы 12-13? И если сам Аристотель, судя по всему – вспомним, что его обвиняли за статую, которую он поставил Гермия атарнейскому, -бывал в Дельфах, где при его-то педантизме наверняка должен был скопировать максимы? Что такого мог искать Клеарх в Дельфах, если он на самом деле был критянином из Сол, а не поселенцем или потомком первых поселенцев оксианской Александрии?

Что до сборника изречений мудрецов в редакции Деметрия Фалерского, здесь определенности гораздо больше. Они, эти древние шедевры самой лаконичной литературной формы, собранные им и систематизированные, дошли до нас в том же флорилегиме¹⁶. Иоанн Стобей с похвальной скрупулезностью поместил оба варианта максим мудрецов рядом - один за другим.

По нашему ощущению, эта работа Деметрия не была для него чем-то выходящим из ряда вон. Она примыкает к его другой – сборнику Эзоповых басен. Примыкает не только тематически, но и, по всей видимости, хронологически и обстоятельно. То, что она в полной мере вписывалась в интересы и программу деятельности Ликея, несомненно. В одном ряду с «Изречениями» должен стоять и феофрастовский трактат «О мудрецах» и дикеарховские жизнеописания семи мудрецов. Последние, возможно, больше формально, чем содержательно - известно, что в отличие от Феофраста Дикеарх ставил деятельный образ жизни выше созерцательного. Если расширить перечень, то сюда же можно добавить аналогичные сочинения более позднего времени – например, биографии семи мудрецов Гермиппа Смирнского, который принадлежал к той же перипатетической школе и считался выучеником Каллимаха. Он никак не мог обойти вниманием сборник Деметрия, биографию которого (к большому сожалению, утраченную) тоже составил.

И в жанровом отношении сборник Деметрия соответствовал обыкновениям перипатетиков. Аристотель не однажды касался темы изречений. Во второй книге «Риторики» он не только прибегал к ссылкам на мудрецов, но и дал относительно развернутое определение изречения (глава 21). У того же Феофраста мы находим в перечне трудов сборники изречений Диогена и Ксенократа, с которым, кстати, он вроде бы был в приятельских отношениях. У Аристоксена – «Пифагорейские изречения».

Деметриевых максим чуть меньше – их 125. Однако это, скорее всего, можно объяснить его более кропотливым и взвешенным подходом к отбору, включая как текстологическую выверку, так и атрибуцию конкретной максимы тому или иному мудрецу, чего Сосиад, конечно, не делал. Наверняка Деметрий в связи со своей работой над сборником осуществлял тщательные историографические штудии. В подтверждение этого несложно

¹⁶ Стобей. Антология, 3.1.172.

указать на то обстоятельство, что Диоген Лаэртский сообщает о первом объявлении «канаона» мудрецов при архонте Дамасии со ссылкой на... Деметрия Фалерского!

Фактически, как и в случае с Эзоповыми баснями, Деметрий Фалерский стоял у самых истоков этого вида мировой литературы – до, условно говоря, возвышения хрии. Только в отличие от первого, здесь предмет исследования не мог не заслонить личность исследователя.

Кстати, о связи мудрецов с Эзопом. Они «встречались» между собой не однажды. О симпосейонах у Креза мы уже упоминали, как и о трактате Плутарха «Пир семи мудрецов», где Эзоп присутствовал в роли некоего приглашенного гостя – впрочем, без особо заметной роли. Однако мудрецы и Эзоп соседствовали друг с другом и в скульптурной композиции, которую знаменитый Лисипп изваял в Афинах, по-видимому, в период нахождения Деметрия у власти и по его – формальному либо нет - заказу. Для нас это основание относить работу Деметрия над высказываниями мудрецов и сборником Эзоповых басен (в соответствующем разделе мы это отметили) к самому раннему, афинскому периоду его жизни и деятельности. Трудно увидеть в столь нехарактерном симбиозе персонажей греческой истории совсем случайное совпадение.